

ВЛ. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
РЫЖИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВЛ. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

РЫЖИК

РАССКАЗЫ

МОСКВА
« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »
1983

P2
A87

Художник
В. ЛАПОВОК

ТУК ТУКЫЧ

Саша с мамой гостили у бабушки в деревне.

Бабушка была большая мастерица собирать ягоды и каждое утро брала внука с собой в лес.

Чаще всего они ходили на старую вырубку, где стояла одинокая, очень древняя, уже гнилая осина, сверху донизу исклёванная дятлами.

Возле этой осины бабушка обычно садилась отдыхать, когда солнце поднималось уже высоко, а берестяная коробочка, похожая на толстый берёзовый пенёк, наполнялась до краёв спелой земляникой.

Бабушка высыпала ягоды на большой серый платок и перебирала их. Похуже — себе и Саше на зубок, а получше — в корзиночку: варить варенье или подавать к столу с холодным вчерашним молоком.

Однажды пришёл Саша с бабушкой на вырубку и не увидел одиноко торчавшей осины. Ночью была гроза с сильным ветром, и гнилое дерево рухнуло, раскинув вокруг сухие, корявые ветки.

— Вместе со мной росла, а вот не сумела пережить меня, — со вздохом сказала бабушка, усаживаясь на поваленный ствол дерева.

И, перебирая ягоды, бабушка рассказала Саше, как она ещё девочкой бегала к этому дереву собирать землянику. Только в те годы осинка была стройная, а рядом с ней росли пять кудрявых берёз.

— Было это, внучек, давно, лет шестьдесят назад.

Когда стали собираться домой, Саша заметил под сухими ветками упавшей осины какую-то пёструю птичку.

Он нагнулся, пошарил руками в траве и крикнул:

— Смотри, бабушка!

Бабушка увидела птенца с чёрной спинкой, белыми продольными пятнами на боках и красным брюшком.

— Батюшки! Да это дятел! Видать, из гнезда выпал. И крылышко одно помято! Вот горе какое! Надо птенчика домой взять, пусть поправится. Тут его лисица съест.

Птенца завернули в бабушкин платок, ягоды пересыпали в корзиночку и отправились домой.

* * *

— Мама! Что мы принесли! — закричал Саша, прыгая через порог избы.

— Покажи, покажи.

— Вот! — сказал Саша и развернул платок.

Пёстрый краснобрюхий птеник, чуть больше воробья, с короткими тонкими ножками, но с длинным и толстым клювом на маленькой голове, казался неуклюжим. Но, когда его поставили на пол, он подпрыгнул раз-другой, отряхнулся, и все увидели, какой он шустрый и красивый.

— Бабушка сказала — пусть живёт у нас. Хорошо? — попросил Саша.

— Хорошо, Сашенька. Только теперь у тебя будет много дела.

— А я не боюсь, — сказал Саша и начал играть с дятлом.

В первый день птеник ничего не ел и не пил, сидел нахохлившись и вздрагивал, а когда просыпался, то забивался в самый

тёмный угол под лавкой. Да и на другой день он был очень вялым, ходил мало и неохотно, изредка передвигался короткими прыжками, опустив до полу острый, упругий хвост. Правое крылышко ещё не слушалось и свисало вниз.

Но птенчик напился из чашечки, склевал несколько зёрен и проглотил большую чёрную муху.

У Саши сразу появилось много забот: сменить воду, насыпать хлебных крошек, накопать червей на огороде, наловить мух, сбегать на дуг за кузнечиками.

Вечером маленький дятел беспокойно прыгал под лавкой и никак не мог выбрать место для ночлега. Мама догадалась дать ему бабушкин старый валенок.

Птенец забрался в него, как в дупло, и сразу успокоился.

— Видишь, мы забыли, что он не может жить без дупла, — сказала мама. — Вот и пригодился бабушкин старый валенок.

С каждым днём птенец становился всё смелее, много ел, всё чаще долбил своим ореховым носом.

Иногда он клевал старый ботинок и через неделю так его отработал, что пришлось выбросить на помойку. То принимался за картошку, но не ел её, а расшвыривал крошки по всему полу. А потом занялся ножкой стола, но бабушка на него крикнула, и он перестал. Зато каждый день занимался своим валенком, и бабушка ежедневно выметала растрёпанную серую шерсть.

Примерно через неделю дятел впервые взял пищу из рук Саши. Это была большая зелёная стрекоза. Птенец так ударил мальчика в ладонь острым носом, словно в шее у него была стальная пружина.

Саша рассказывал маме и бабушке:

— Он как стукнет меня, чуть слёзы не полились! Это не то что цыплёнок. Даже петух Васька не может так клюнуть. Вот здорово!

Как-то перед вечером, день на десятый, когда бабушка, мама и Саша пили чай, дятел вдруг взлетел с пола, порхнул к окну и опустился на край стола.

Крепко, как крючками, схватился он за скатерть двумя лапками с острыми, кривыми когтями и прыгнул к Сашиной чашке.

Клюнул в блюдце, живо подобрал крошки возле бабушки, глянул на своё изображение в самоваре да как

клюнет в него! Самовар был уже пустой и громко загудел от удара.

— Ну и озорник! — засмеялась бабушка, сталкивая дятла со стола. — Всем носам нос! Одним словом — Тук Тукич.

Так и прозвали дятла Тук Тукичем.

* * *

Прошло ещё недели две, и все привыкли уже к тому, что Тук Тукич с рассветом вылезал из валенка, пробежал вдоль всей стены под лавкой, громко щёлкал по обоям, когда ловил мух, и начинал долбить ножку стола.

— Вот и вставать пора, — говорила бабушка. — Видишь, какой деловой — спозаранку за работу. И часов теперь не надо, с ним не залежишься!

Бабушка вставала и принималась топить печь, а Тук Тукич крутился у неё под ногами, обрабатывая полено или чурку.

Однажды принесли для самовара целый мешок сосновых шишек и свалили их на полу возле печки.

И на огороде-то побыли недолго, а Тук Тукич раскидал шишки по всей хате и налушил столько, что сразу и не выметешь! И под лавку съёс несколько шишек и долбил их до самого вечера. Весь день такой стук стоял, что если послушать с улицы — сидит сапожник и вбивает в подмётку деревянные гвозди.

Через неделю после этого случая вернулся Саша с мамой из лесу и увидел такую картину: бабушка стояла на пороге разгневанная и выгоняла Тук Тукича полотенцем, а он всё старался прошмыгнуть мимо неё и спрятаться в валенке.

— Кыш! Кыш, окаянный! — шумела бабушка.

— Ну, зачем ты? — спросил Саша, подбегая.

— Да погляди, что натворил твой длинноносый!

Саша с мамой вошли на крыльцо и ахнули: по всей стене, от пола до потолка, была выдернута местами пакля, а кругом — мусор от кострицы.

— Теперь плотника надо звать, а то зимой хата выстудится. И зачем только я приголубила этого разбойника? Гоните его прочь! Втроём быстро выгнали Тук Тукыча наружу.

Он взлетел на толстую высокую липу, громко цыкнул и ловко побежал к вершине дерева, упираясь в кору хвостом.

Побежав по сучкам, свесился вниз головой, глянул на Сашу и ещё раз цыкнул. А как только мама распахнула окно, мигом слетел с дерева, сделал две петли перед бабушкиным носом и забился в валенок.

Бабушка не умела долго сердиться. Понравилось ей, что Тук Тукыч не обиделся и вернулся на своё место.

— Значит, к нам привык, как собачонка, — сказала бабушка. — Не знала я, конечно, спилила сухую липу за двором, — вот бы где раздолье ему было! Ведь не долбить он не может.

— А мы сходим с Сашей в лес и принесём для Тук Тукыча сухой пень. Он и будет его долбить, — сказала мама.

— Верно! А то паклю жалко. Я ему не позволю больше по стенам лазить, — заявила бабушка.

На другой день принесли для дятла большой сухой пень. Тук Тукыч как уселся на него, так и не слезал чуть ли не весь день: долбил, крошил, раскидывал щепки. И слетал с пня только тогда, когда Саша готовил для своего пернатого друга завтрак, обед или ужин. Когда первый пень был искрошен, а остатки его сожжены в печке, малень-

кие Сашины приятели помогли притащить большое сухое, трухлявое бревно. Его прислонили к изгороди, укрепили верёвкой, и теперь Тук Тукыч мог бегать по нему сверху вниз, обследовать его со всех сторон и крошить.

В конце лета Тук Тукыч сделал в бревне дупло и сидел в нём, когда уставал стучать острым носом по дереву.

Когда Саша приходил, чтобы покормить его, Тук Тукыч высовывал голову и вылетал из дупла.

Кончались каникулы. Саша с мамой стали собираться в Москву.

Накануне отъезда долго спорили, брать с собой Тук Тукыча или оставить его здесь, чтобы он смог перебраться в лес и сделать там дупло на зиму.

Бабушка говорила, что она привыкла к дятлу и полюбила его за то, что он собирал в садике жуков и всяких вредных насекомых.

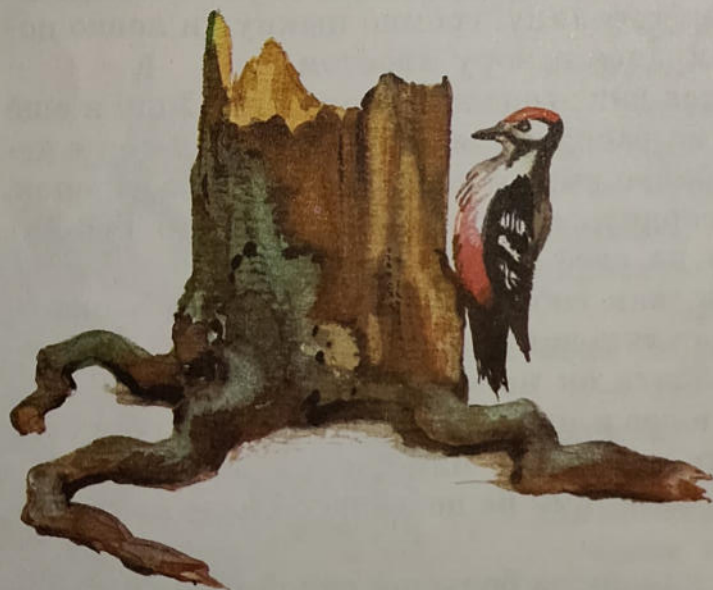
Маме дятел нравился, и она согласилась взять его домой. А Саша прямо заявил, что без Тук Тукыча домой не поедет.

И дятел без каких-либо сборов поехал с мальчиком. А везли его в той самой берестяной коробочке, в которую Саша собирал с бабушкой землянику.

Теперь Тук Тукыч — в живом уголке школы, где учится Саша.

В городе с ним много хлопот, и за ним ухаживают пять юннатов во главе с Сашей.

Они его кормят, а раз в неделю приносят для него новую чурку или полено.

А в большом дереве, поставленном на самом видном месте в живом уголке, Тук Тукыч сделал дупло и прожил в нём зиму.

Стал он взрослым дятлом, сделался больше скворца. И на голове у него, поперёк затылка, появилась красивая ярко-красная полоса.

РЫЖИК

Солнце уже поднялось, но по росистой траве было холодно ступать босыми ногами. Впереди шёл Дима с ведром, оставляя за собой тёмную полосу следов. Позади двигалась Галка, размахивая корзиночкой из белых ивовых прутьев.

Когда ребята миновали деревню и вдоль межи пошли к лесу, девочка глянула в сторону ржи и крикнула:

— Смотри, Димка, василёк!

— Как же он остался? — с удивлением спросил Дима и, прыгнув к цветку, с головой скрылся в густой колосившейся ржи. — И пропололи мы хорошо, — сказал он, возвращаясь с длинной былинкой, на которой синел венчик василька.

По весне Димкин отряд для борьбы с сорняками обошёл все поля, а вот один василёк остался. Красив он, что и говорить, но нельзя ему расти на полях колхоза.

— Надо бы ещё поглядеть, да роса велика, — сказал Димка, отряхивая мокрые штаны и рубаху. — Побежали!

Во всей красе стояло погожее лето.

На тропинке буйно разрослись широкие листья подорожника, на меже цвёл раскидистый колокольчик, голубые цветы цикория, синие цветы мышиного горошка и бронзовые зверобой.

Возле опушки леса, сквозь которую золотыми стрелами пробивались лучи солнца, показались полянки, заросшие цветком иван-дамари, с ярко-жёлтыми трубочками и с фиолетовыми и лазоревыми прицветниками. Да и в лесу всё цвело и благоухало.

Бархатные колокольчики на тонких ножках раскачивали головками, когда их задевали ребята. Резные листья папоротника почти сплошь закрывали землю. В окружении заячьей капусты стояли пахучие столбики ночных фиалок. С осины летел пух и путался в волосах Галки и Димы.

— Пойдём в Кривой дол, там мы наберём грибов! — крикнул Дима, гремя ведром в кустах и осыпая на землю капли росы.

— Только не убегай, я боюсь одна, — ответила Галка, поёживаясь от крупных капель, попавших за воротник.

С опушки лес казался уснувшим, а теперь ни на минуту не замолкал в нём птичий гомон. Где-то далеко ворковала горлянка, высвистывала на флейте иволга.

«Тип-тип-тип!» — сказала пепельно-серая вертишейка с желтоватым горлышком и быстро побежала вверх по осине.

«Пинь-пинь-пинь!» — ответил ей празднично разодетый зяблик и полетел перед ребятами, чтобы увести их от гнезда.

«Цвинь-ци-вирь! Ци-ци-вю!» — залилась синичка, порхая над непрошеными гостями.

— А вот и беленький грибок! — радостно закричала Галка, осторожно вынимая из земли коренастый гриб с каштановой шляпкой, блестящей от росы.

— А вот и подосиновичек! — отозвался Дима и схватил красноголовый гриб на белой ножке, покрытой крапинками.

Гриб словно рассердился на мальчика и посинел в том месте, где его сжали пальцами.

Перекликаясь, шли ребята по залитому солнцем лесу, пока не пришли в Кривой дол, куда даже летом не часто ступала нога человека.

* * *

Галка остановилась и замерла: в кустах кто-то зашумел и неумело тявкнул. Затем из зарослей папоротника показался толстый желтоватый зверь, довольно высокий, с острой лисьей мордой и коротким пушистым хвостом. Зверь посмотрел на девочку зелёными глазами, оцетинился и снова тявкнул.

У Галки оборвалось сердце от испуга.

А когда вокруг зверя всюду замелькали маленькие зверушки, словно их из лукошка кто высыпал, девочка закричала:

— Ой, Димка, ой! — и бросилась бежать, роняя грибы.

— Э-эй! — крикнул Дима, подбегая. — Чего испугалась?

— Ходит кто-то! Зверь! — с трудом сказала Галка. — Глаза больно страшные, и маленьких много с ним, ну как котята.

— И большой зверь?

— Как собака у деда Семёна.

— Где? — воинственно спросил Дима, схватив большую палку.

— Тут вот, на полянке, — махнула рукой Галка.

— Пошли! Не волк, не задерёт!

Оставив ведро и корзинку, ребята двинулись к полянке. Но зверей уже не было. Дима поднял руку и остановился. Галка прижалась к нему, чуть дыша.

— Слышишь?

В овраге был слышен лёгкий шум и негромкий перебрёх. Ребята побежали туда.

Звери уже перешли через ручей и поднимались цепочкой на противоположный берег. Впереди, поминутно оглядываясь, шла мать, а за ней карабкалась дюжина лохматых её детей.

Дима подбежал к последнему из них и легко придавил его палкой. Малыш перевернулся на спину и зарычал.

Большой зверь остановился на миг, словно собираясь наброситься на Диму, но раздумал, подтолкнул мордой детёнышей и перевалил через бугор, увлекая за собой выводок.

— А ты испугалась! — сказал Дима. — Видишь, палка у меня большая — медведь бы испугался, не то что этот зверь. Вот мы и отбили зверёныша.

Маленький зверёк занялся палкой Димы и почти не обращал внимания на ребят. Был он похож на щенка и так же игрив. Он не сопротивлялся, когда Дима накрыл его кепкой и поместил в ведро, из которого переложили грибы в корзинку Галки.

Домой ребята мчались изо всех сил, часто заглядывая в ведро. Зверёк высунул нос из-под кепки и сидел на дне, поглядывая зелёными глазами, окружёнными чёрной шерстью.

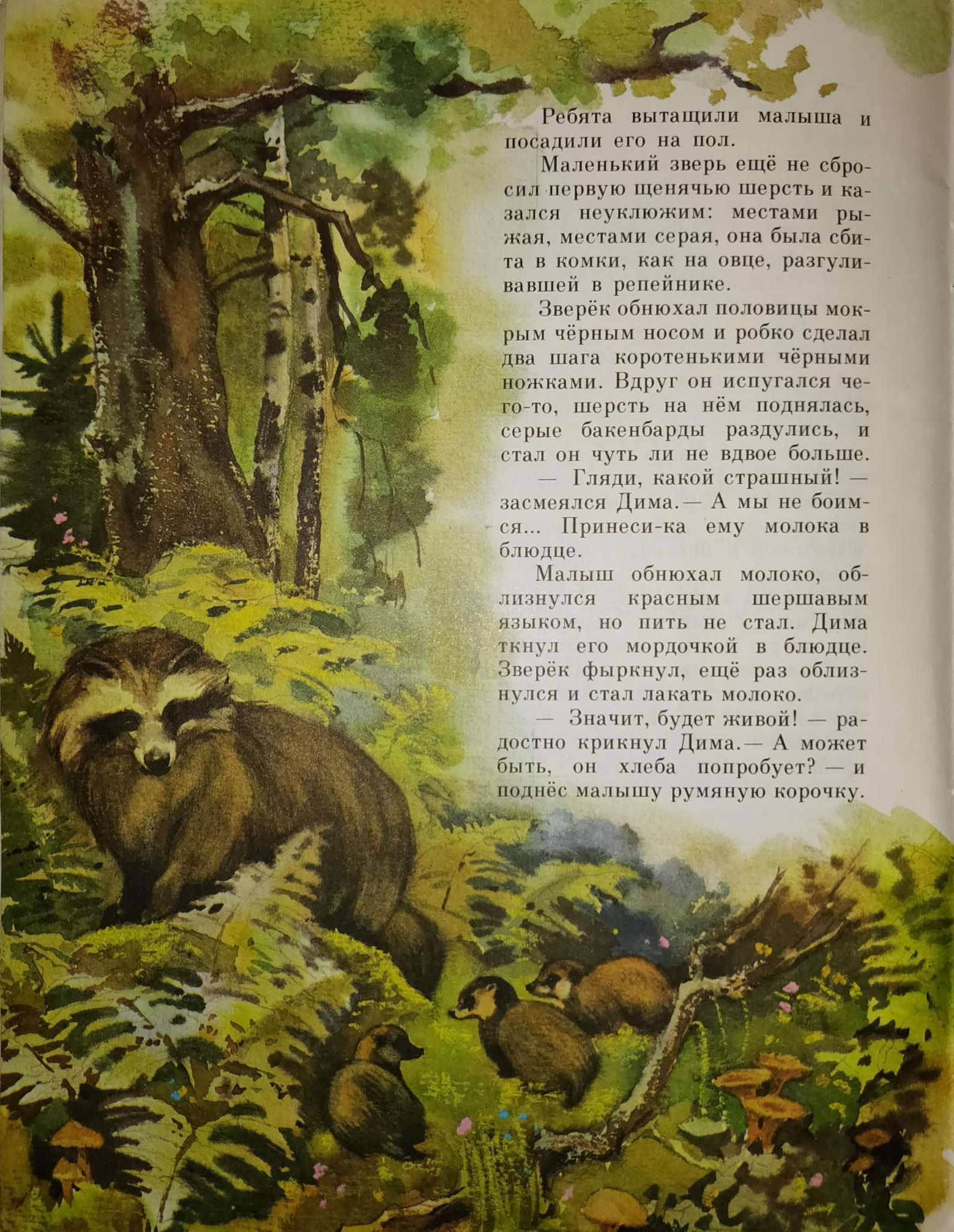
— Только не говори никому, кого мы поймали, — строго наказал Галке Дима. — Пусть немного подрастёт, я его тогда сам покажу ребятам. А то от них отбою не будет.

— Ладно, — улыбнулась Галка. — Только они всё равно узнают...

* * *

Дима пробежал огородами. Галка пришла с улицы. Отца и матери ещё не было — они косили с бригадой луг за рекой.

Ребята вытащили малыша и посадили его на пол.

Маленький зверь ещё не сбросил первую щенячью шерсть и казался неуклюжим: местами рыжая, местами серая, она была сбита в комки, как на овце, разгуливавшей в репейнике.

Зверёк обнюхал половицы мокрым чёрным носом и робко сделал два шага коротенькими чёрными ножками. Вдруг он испугался чего-то, шерсть на нём поднялась, серые бакенбарды раздулись, и стал он чуть ли не вдвое больше.

— Гляди, какой страшный! — засмеялся Дима. — А мы не боимся... Принеси-ка ему молока в блюдце.

Малыш обнюхал молоко, облизнулся красным шершавым языком, но пить не стал. Дима ткнул его мордочкой в блюдце. Зверёк фыркнул, ещё раз облизнулся и стал лакать молоко.

— Значит, будет живой! — радостно крикнул Дима. — А может быть, он хлеба попробует? — и поднёс малышу румяную корочку.

Зверёк толкнул лапкой корочку и, как котёнок, стал бегать за ней по комнате.

— Давай ему дом строить, — предложила Галка. — А потом спросим у отца, как этот малыш называется!

— Давай!

Ребята достали на чердаке большую старую корзину, положили в неё свежей травы, посадили в корзину малыша и осторожно отнесли его в сарай.

Весь день они бегали смотреть на своего пленника. Он то спал, свернувшись калачиком и положив мордочку на пушистый хвост, то царапал лапами корзину, порываясь выскочить на волю, и тогда куры, забившиеся в сарай от жары, испуганно кивали головами и кудахтали.

Вечером Дима сказал отцу:

— Пап, погляди, что за зверя мы поймали с Галкой.

Отец поднял малыша на руки, повертел его и с той стороны и с этой:

— Не приходилось таких видеть. По статьям барсук, по шерсти словно бы лиса, а без длинного хвоста. Щеночек забавный. Пусть подрастёт — глядишь, и продадим его в зоопарк.

Пришла посмотреть на малыша и мама. Но и она не могла сказать, какой зверёк поселился у них в сарае.

А Галка сидела вечером с подружками на зелёной траве у дороги и таинственно говорила:

— А что мы с Димкой в лесу нашли!

— Клад, что ли?

— Ещё почище. Зверька поймали, да такого интересного, что ни папа, ни мама сказать не могут, как он называется.

— Честное слово?

— С места не сойти!..

* * *

— Разболтала, конечно! — строго сказал утром Дима, выглядывая в окно: на лужайке перед домом сидели ребята из деревни и рассуждали о вчерашней находке в лесу.

Галка потупилась и промолчала.

— И ни одного-то секрета доверить тебе нельзя! — вздохнул Дима, выходя на крыльцо.

Минут через пять все Димины приятели лежали на траве, головами к центру круга, где маленький зверёк пил молоко из миски. А когда кто-либо из ребят начинал шуметь, малыш топорщил шерсть, становился похож на ежа, поднимал узкую мордочку и недружелюбно посматривал зелёными глазами на окружавшие его плотным кольцом лица детей.

Все наперебой задавали вопросы. Дима с достоинством отвечал на них.

— А когда вырастет, куда денешь?

— Папка говорит, можно продать в зоологический сад, а я что-то не хочу.

Малыш уселся возле миски и робко тявкнул.

— Он что — лаять будет или как?

— Кто его знает! Во всяком случае, песни не будет петь!

Ребята засмеялись.

Подошла бабка Степанида, вытирая руки о подол юбки, и склонилась над ребятами: она любила всюду совать свой длинный нос.

Приковылял на больных ногах и дед Семён, никогда не расстающийся со своей большой трубкой.

— Вот бы знающего человека спросить, что это за зверь! К примеру, учителя Андрея Ивановича. Да нет его. Знамо дело — каникулы, — сказал дед, с интересом рассматривая малыша. — А прозвали его как-нибудь? Каждому животному имя полагается.

— Нет ещё.

— Вот и прозовите! Лучше бы его собачьим именем окрестить. Не овца ведь, не телёнок и не свинья.

Ребята вслух стали подыскивать имя для зверька. Долго спорили, пока Дима не взял малыша на руки и не сказал:

— Галка первая его увидала; как она скажет, так и назовём!

Девочка подумала и сказала:

— Назовём его Рыжик...

* * *

Прошёл июль.

Отцвели липы, в садах упали первые яблоки, подточенные червяком. Большим обозом свезли хлеб на заготовительный пункт. Ребята всё чаще и чаще стали поглядывать на книжки: скоро снова надо садиться за парты!

Вырос, вытянулся Рыжик за этот месяц.

Он давно сбросил первый щенячий мех, и теперь его серовато-жёлтая шерсть лоснилась, как у жеребёнка.

Рыжик привык к Диме, хорошо узнавал Галку. Были у него друзья и среди других ребят колхоза, но хозяином он считал только

Диму, быстро откликнулся на его зов, послушно ложился у его ног; не брал еды из чужих рук без разрешения хозяина.

Дима с ребятами часто работал на колхозном огороде. Рыжик всегда был рядом, осторожно расхаживал между грядками, выискивал червей и улиток, а однажды принёс и съел ужа, которого поймал в гуще хвороста у реки.

Когда припекало солнце, он забирался в густую ботву свёклы и лежал там, пока ребята не уходили домой.

Лаять он так и не научился. Но на незнакомых людей огрызался и устрашал их тем, что поднимал шерсть и скалил белые, ровные зубы. Всегда стройный и поджарый, в эти минуты Рыжик становился толстым, как раскормленный баран.

В августе Рыжик с меньшей охотой выходил из дому днём, предпочитал отлёживаться в тени. Бродил он главным образом по ночам. Но иногда он бежал с ребятами на речку и, пока они шумно плескались в воде, ловил рыбу у берега в камышах.

Рыбу он очень любил, и Дима обязательно давал ему пескаря или голавлика, если случалось поймать их на быстрине, ниже мельницы.

* * *

Ранним утром 1 сентября Дима надел новый костюмчик, повязал пионерский галстук и посмотрел на себя в зеркало.

Румяное, загорелое лицо, живые серые глаза, подстриженные машинкой волосы, хороший узел на галстук — таким он и хотел видеть себя.

Подошла к зеркалу и Галка. Она долго стояла, повязывая голубой в горошек платочек и поправляя воротничок.

— Время! Пошли! — скомандовал Дима.

И ребята побежали в школу, которая была в соседней деревне.

На перемене Дима вышел на площадку погонять волейбольный мяч, но вдруг под ноги ему подкатился рыжий ком и прыгнул на грудь.

— Рыжик! Ты откуда?

— Смотрите, ребята! Что за зверь такой? — закричал кто-то, и вскоре все школьники с весёлым любопытством столпились вокруг Димы и Рыжика.

Вышел на шум и учитель Андрей Иванович, поправляя очки, чтобы лучше видеть, что происходит на площадке.

— Ух, какой славный! — сказал Андрей Иванович, наклоняясь к Рыжику. — Где нашёл?

— В лесу, — ответил Дима.

Рыжик вильнул хвостом и ткнул мокрым носом в руку учителя.

— А кто это? Лиса? Собака? — закричали дети.

Андрей Иванович подумал и сказал:

— Вовсе не лиса и не собака. Родители этого зверька большие путешественники. Прежде чем попасть в наши леса, они летели на самолёте, долго ехали в поезде, затем в грузовике и на подводе. Выпустили их на волю в сорока километрах от нашей деревни.

Ребята столпились вокруг учителя, жадно слушая его рассказ.

— Привезли их из Уссурийского края, чтобы пополнить подмосковные леса пушным зверем. Звери скоро расплодятся, и через несколько лет их можно будет добывать. А сейчас держать их в неволе не следует. Правительство требует охранять зверя на воле, а пойманных щенков выпускать.

Рыжик сел и с любопытством рассматривал притихших ребят.

— И самое лучшее, Дима, что мы можем сделать, — сказал Андрей Иванович, — это отпустить Рыжика. А называется, ребята, этот зверь уссурийским енотом или енотовидной собакой. Некоторые зовут его еноткой.

В первое же воскресенье почти вся школа повалила к Кривому долу.

Рыжик бежал рядом с ребятами, обнюхивая опавшие листья, редкие грибы под деревьями, муравьиные кучи и коренья. Дима редко водил Рыжика в лес, и многое было зверьку в диковинку.

Шумно двигались ребята по лесу, шурша в кустарниках и громко перекликаясь на разные голоса. Только Дима и Галка вовсе не разделяли общего оживления.

— Далеко ли до места? — спросил Андрей Иванович.

— Вот здесь, — показал Дима. — Видите, ещё и палка моя цела.

Учитель собрал ребят:

— Попрощайтесь с Рыжиком и возвращайтесь к опушке, а мы вас скоро догоним.

Дети подходили к Рыжику, говорили ему хорошие слова, жали лапу. А Рыжик, ничего не понимая, тыкал носом в ребячьи руки и смотрел вокруг зелёными глазами.

Дима, сдерживая слёзы, накинул Рыжику верёвочку на шею, завязал узлом, а другой конец прикрепил к берёзе.

— Днём он поспит здесь, а ночью перегрызёт верёвочку и пойдёт искать своих, — сказал Андрей Иванович. — Только ты не огорчайся. Мы создадим в школе живой уголок. Будет у нас много новых дел и забот, а придёт время — другого Рыжика поймем!

Андрей Иванович обнял Диму, привлёк его к себе. Галка словно ждала этой минуты: она прижалась к брату и заревела.

Когда Рыжик был привязан, Андрей Иванович, Дима и Галка пожали чёрную лапу зверя и быстро пошли домой. Но долго они слышали, как скулил и прыгал Рыжик под берёзой...

В понедельник Дима сбегал после уроков в Кривой дол.

Рыжика не было, у ствола дерева виднелся лишь обрывок верёвочки.

«Вот и нет больше у меня четвероногого друга! — с огорчением подумал Дима. — Увидимся ли когда-нибудь, Рыжик?»

Недели через две, когда уже понемногу стало забываться огорчение, Дима встретил колхозного пастуха дядю Филиппа. Он рассказал, что видел на днях в лесу двух бегущих енотов, когда гнал стадо вдоль опушки.

— Весёлые такие! — сказал Филипп. — Бегут да играют. А на шее у одного короткая верёвочка. Твой, стало быть...

К И Б И

На исходе зимы мы приехали в Чикишляр, маленькую деревушку на плоском песчаном берегу Каспийского моря, и остановились в деревянном домике на высоких сваях.

Мы встали до зари, когда у самого горизонта ещё виднелась шляпка Железного Гвоздя, как называют туркмены Полярную звезду, спихнули кулас¹ в воду и двинулись в море.

Скоро со стороны берега порозовело небо, и на спокойной воде, как на огромном ледяном плато, заиграли краски раннего утра. Затем холодное январское солнце забросило луч в море, и мы увидели в туманной дали три сказочных острова.

Один был белый, как первый чистый снег, другой — мышиного цвета, а третий — розовый, как лепесток шиповника. Они держались на воде удивительно легко, почти невесомо, но их очертания менялись поминутно. Казалось, что островки колеблются, словно парусник при самом тихом ветре.

— Что за чудо, Трофим Савельевич? — тихо спросил я своего спутника.

— Да не бывает их, чудес-то, — ответил старый охотник, вглядываясь слезящимися глазами в свинцовую даль моря. — Птицы, конечно, а какие — хоть убей, не могу понять.

Мы развернули кулас и долго шли на юг вдоль плоского берега, а затем круто повернули в море, чтобы отрезать птицам дорогу на запад, обогнули загадочные острова и начали приближаться к ним.

Беспокойное движение началось прежде всего на белом острове.

¹ Ку л а с — лодка.

Немного спустя послышался глухой шум крыльев, как отдалённый прибой, и пернатый остров повис в воздухе.

— Лебеди,— прошептал старый охотник.

Сильные белые птицы быстро набрали высоту и скрылись в прозрачной синеве неба.

Потом на воде закачался серый остров и рассыпался на тысячу частей. Тревожный гогот разнёсся над морем, и волнистая лента птиц унеслась вдаль.

— Гуси! Гуси! — печально вздохнул старик. — Разве подойдёшь к ним на таком гладком месте?

Розовый остров продолжал спокойно держаться на воде. Только на ржаво-сером фоне далёкого берега было видно еле заметное его перемещение к длинной песчаной косе.

— Фламинго, Трофим Савельевич! — заволновался я, начиная различать очертания отдельных птиц.

Они плыли, как гигантский розовый венчик цветка, почти не меняя принятой формы, словно их не очень тревожило появление в море чёрного куласа и двух людей в нём. Изредка поворачивая голову в сторону лодки, они спокойно погружали в воду длинные шеи, отряхивались, хлопали крыльями и лопотали, как гуси.

Бриз тем временем стал свежее и без усилий гнал кулас к берегу и к птицам. Мы улеглись на дно лодки, закурили первый раз за всё утро и спокойно отдались воле ветра.

Минут двадцать ничего не было видно, кроме ослепительной синевы неба да высоких бортов куласа, возле которых булькала вода, как в огромной бутылке.

Мы осторожно приподняли головы, когда лодка чуть слышно коснулась дна.

Берег был невдалеке, но фламинго отошли вправо, ближе к деревушке. Они не плыли теперь, а чинно шагали к берегу, изредка окуная в воду короткие розовые хвосты.

— Дай мне ружьё, я незаметно сойду на берег, а ты поверни обратно и попытайся направить птиц в мою сторону.

— Хорошо, — сказал старик. — Другого выхода и не придумаешь.

С пятизарядным винчестером в руках я уткнулся подбородком в холодный, сырой песок, лицом к фламинго, левым боком к куласу, который уходил в недалёкий, но ответственный рейс.

Неуютно и скучно было лежать на голом берегу, без укрытия и надежды на выстрел. Но чутьё охотника подсказывало мне: выдержишь, не шелохнёшься — дело выйдет, потому что птицы смотрят сейчас на кулас, который чёрной точкой маячит в море.

Фламинго прошли немного вперёд, а затем резко повернули в мою сторону. Теперь хорошо были видны их карминно-красные ноги и розовые горбатые клювы, которые они изредка погружали в воду.

Мой спутник удачно завершил полукруг и причалил к берегу в ту минуту, когда все птицы вышли на песчаную косу.

В нерешительности, но без тревоги они смотрели на медлительного, спокойного старика, который выволок кулас на берег, уселся на борт лодки и, будто не обращая внимания на розовую стаю, скрутил и закурил сигарку. Кулас приковал к себе внимание птиц. Они стояли тесной кучкой у воды, повернув толстые надломленные носы к Савельичу, потом развернулись в одну шеренгу и медленно, спокойно двинулись ко мне.

Сотни птиц, разодетых в розовые мантии, приближались на выстрел, и всё шло бы прекрасно, но помешала ворона.

Не знаю, каким ветром занесло её на этот скучный, голый берег, но она пролетела над стариком и над птицами и подняла истошный крик, выписывая круги и петли надо мной.

Сколько раз мне мешала на охоте эта старая сплетница! Как и со- рока, она начинала кружить над затаившимся охотником и тревожным криком подавала знак: «Чужой, чужой! Спасайся, пока не поздно!»

Охота была испорчена. Фламинго резко повернули головы, затем

побежали по берегу к песчаным холмам и грузно стали подниматься на крыло.

Я вскочил на колено, вскинул ружьё к плечу. Первым выстрелом убил ворону, а четыре выстрела послал вдогонку улетающей стае. Но картечь моя никого не задела.

Наклонившись над вороной, я не сразу услышал крик Савельича и не мог понять, зачем прыгнул старик за гряды песчаных холмов.

Я побежал к Савельичу. Он стоял широко расставив ноги и прижимал к груди большую розовую птицу. Она била его крыльями, царапала руки острыми когтями и порывалась клюнуть в рыжие усы.

— Ну, успокойся, успокойся, красавица. Мы тебя не оставим, в город поедешь с нами, — бормотал Трофим Савельевич.

Но птице не было дела до этих ласковых слов. Пришлось обвязать её шарфом, чтобы не поломать красивых перьев.

— Между прочим, весьма любопытный случай, — говорил старый охотник, шагая рядом со мной. — Сколько ни глядел, и кровинки нет на птице. Подбежал к ней, смотрю — лежит как мёртвая, а протянул руку, чтобы взять её, — вскочила на ноги и давай ходу! Еле догнал.

По пути мы ещё раз осмотрели птицу. Она в самом деле была целёхонька, только на спине был вырван небольшой клочок перьев и виднелся маленький синяк.

— Не иначе, как ты вогнал её в обморочное состояние, — сказал старик. — Счастливая оказалась картечина: она и птицу удержала и живой её нам доставила. Может быть, так и домой её повезём, а?

Через неделю розовая пленница покатила с нами в Ашхабад...

Со всего дома сбежались малыши, когда узнали, что птицу несут во двор. Они зачарованно смотрели, как фламинго вырвался из моих рук и неуклюже побежал к воротам, вытянув шею и хлопая крыльями.

Двор был мал, ворота закрыты, и пленнице негде было развернуться, чтобы подняться в воздух. Она опустила крылья и жалобно крикнула.

— Слышите? Она крикнула «киби», — сказал кто-то из малышей.

— Давайте и назовём её Киби, — предложил я.

Так началась новая жизнь птицы.

Ночевала она во дворе, и чаще всего можно было видеть её стоящей одиноко на одной ноге среди лужи у водопроводного крана. Когда кто-либо приближался к ней, она поспешно отбегала в сторону,

шипела, как гусь, и угрожала своим толстым горбатым клювом.

В лунные ночи, а иногда и днём, когда над городом пролетали птицы, она начинала волноваться, беспокойно бегала по дворику, высоко задрав голову и хлопая крыльями. Но, как ни странно, она ни разу не порывалась улететь.

Киби стала ночным сторожем в нашем доме. Стоило кому-нибудь пройти ночью по улице или постучаться в калитку, как тотчас же раздавался громкий, тревожный крик птицы.

Утром она иногда поднималась по ступенькам крыльца и стучала клювом в мою дверь: пора, мол, вставать! Но как только открывалась дверь, Киби, смешно прыгая по ступенькам, убегала во двор. Потом несмело возвращалась, пристально смотрела жёлтыми немигающими глазами и, подпрыгнув раз-другой, била меня клювом в грудь или в локоть.

Я ставил перед ней свою фронтальную алюминиевую миску. Киби жадно набрасывалась на еду и дробно клевала зёрна, словно строчила на швейной машинке. Ела она всё, что бывало у нас за столом: хлеб, суп, зелень, фрукты, но больше всего любила пшено и рис.

Когда я пытался погладить Киби, она поспешно отскакивала и недовольно трясла головой. К имени своему она так и не привыкла. Как бы нежно и ласково я ни звал её, возвращаясь с работы, она словно не замечала меня и только тогда бросалась навстречу, когда видела знакомую блестящую миску.

Несколько раз она уходила далеко от дома и никогда не возвращалась сама. На её поиски бросались мои маленькие разведчики, находили её в чужих садах и огородах, где она выискивала червей, жучков и лягушат и где ей было так же удобно, как в нашей луже у крана...

Приближался день моего отъезда в Москву. Меня беспокоила судьба Киби, с которой я успел сдружиться.

— Что будем делать с нашей красавицей? — спросил я однажды у Савельича. — Возьми её себе, старина!

Старый охотник с сожалением посмотрел на Киби и сказал:

— Зачем мне, старику, такая красота? Давай подарим её детям: отдадим в зоологический сад, пусть все любят нашу Киби, а я иногда буду навещать её.

Так мы и сделали...

Примерно через неделю, когда Киби уже хорошо чувствовала себя в кругу гусей и журавлей, мы отправились в зоопарк, к ней в гости.

Четыре фламинго стояли в бассейне, спрятав головы под крылья, но и среди тысячи птиц мы узнали бы свою розовую пленницу по каким-то малозаметным признакам, которые подмечает зоркий глаз охотника.

— Киби! — сказал я негромко.

Одна из птиц вздрогнула, выпрямила длинную шею и с каким-то недоумением посмотрела на нас.

— Значит, запало ей что-то в память! — сказал обрадованный Трофим Савельевич. — Глупая, конечно, как и всякая птица, а вот откликнулась... Киби! Киби! Иди сюда!

Но Киби отвернулась от нас и стала чистить свои нарядные, яркие перья.

— Подожди, Трофим Савельевич, сейчас Киби узнает нас, — сказал я и поставил возле решётки знакомую ей миску с едой, которую взял у служителя зоопарка.

Словно удивившись чему-то, Киби подбежала к нам, клюнула меня в локоть и привычно стала выбирать зёрна.

— Вот и недаром говорят, что привычка — вторая натура, — заметил Трофим Савельевич и осторожно погладил Киби, которая доверчиво стояла рядом с нами.

ДЫМКА

Вот уж накупался Борька в то утро на речке!

Думал, разок окунётся — и домой, а просидел в воде больше часа: всё ловил рака под берегом.

Поймал, а из реки вылез синий, зуб на зуб не попадает.

Оделся приплясывая, схватил рака за спинку и помчался домой по самой короткой лесной тропе.

«Прибегу сейчас — и прямо на печь», — решил он.

А на печку не попал — задержался на поляне, где по старому жнивью густо рос клевер.

Вымахал клевер чуть не до пояса, не разбежишься по нему. А побегать пришлось вволю...

И зачем только забралась она в самую гущину!

Борька заметил её сразу, как только выбежал из ельника, бросил рака и с разбегу прыгнул на клевер.

Пробежал немного и упал.

И ей тяжело было бежать в такой доброй, густой да мокрой траве: она больше ползла, чем прыгала, а иногда взлетала, как птица.

Среди красных головок клевера видны были то её мордочка с большими чёрными глазами и острыми ушками, то короткий пушистый хвост.

Нырнёт вдруг в траву и скроется, а то вся видна как на ладони — серая с голубым, как дымок от папиросы, тонкая, ловкая, как котёнок.

— Всё равно догоню! — закричал Борька, поднимаясь и падая. Вскочил, прыгнул, снова упал, а потом поднялся, пополз к ней и накрыл картузом.

Возбуждённый погоней, мокрый от росы, выбрался Борька на

тропу и только тогда осторожно глянул на зверька, беспокойно ёрзавшего на дне фуражки.

«Развелись, значит, в нашем лесу, — подумал Борька. — Отец придёт — обрадуется, а мать поворчит, конечно, и отойдёт... А какая светлая! Чистый дымок. Вот и буду звать её Дымкой».

Борька взбежал на крыльцо избушки, одиноко стоявшей в лесу у просёлочной дороги, и крикнул:

— Мам! Смотри, какую я белку поймал!

Мать вытерла руки о передник и глянула на зверька. Борька засмеялся:

— А смешная какая с виду: почти белая, а на боках, гляди, перепонка, как у летучей мыши. Даже тоньше, прямо паутинка. Смотри, смотри!

Дымка выпрыгнула из картуза, словно взмахнула крыльями, и спряталась в тёмном углу под лавкой.

Мать даже вздрогнула и отступила:

— Ишь какая шустрая!

Борька уже подумал, что всё обойдётся по-хорошему, но мать заворчала:

— Нет с тобой сладу! Один зверь убежал, так другого приволок! Опять хлопот не оберёшься!

— Да ты не сердись! Папка ещё зимой о ней сказывал, всё поймать хотел. А как приедет он, поглядит, ну и выпустим.

Мать только рукой махнула. Борькиных затей она не любила. В прошлом году барсучонок жил больше месяца; днём спал в старой бочке, а по ночам такой тарарам поднимал в хате, что и уснуть нельзя.

А этой весной зайчонок гостил. И такой озорной был, не придумаешь! Новое деревянное корыто до того обработал, что и рубашку теперь в нём не выстираешь. А сейчас новая забота — с белкой!

Но Дымка тихо сидела под лавкой, словно её и не было. И только когда Борька нагнулся, чтобы молока ей дать, выскочила она из угла, громко цокнула, прыгнула на постель, оттуда — на стену и прямо на печь, куда Борька собирался забраться после купания. В старый ватник уткнулась носом, голову хвостом накрыла и затихла.

— Тот, окаянный, корыто сгрыз, — заворчала мать про зайца, — а эта, дымчатая, либо лампу расшибёт, либо стекло в раме выставит. Вот уж поговорит отец с тобой, не скоро забудешь!

— Зачем ей стёкла бить? — отозвался Борька, кроша хлеб в миску с молоком. — Попрыгает, полетает по избе, вот и всё.

— Хорошо бы, если так, — сказала мать и подумала: «А ведь мальчик всё один да один. Вот и скучно ему без друзей. Пусть хоть с белкой позабавится».

Причмокивая, как кличут щенка или поросёнка, Борька целый

день подставлял Дымке молоко с хлебом под самый нос, но только под вечер она перестала бояться его и приняла еду.

На другой день понятливая белочка сразу появилась на зов мальчика. А потом она стала слезать с печки, как только Борька начинал крошить хлеб.

— Во, как планёр! — восхищался мальчик, глядя, как летит к нему Дымка.

На третий день с белкой познакомились чёрная с белой грудкой кошка Мурка и лохматый каштановый пёс Полкан.

Полкан лишь взглянул мельком на Дымку, вильнул хвостом по привычке и важно вышел из хаты: нет, мол, ничего интересного для него в этой новой гостье. Да и пахнет от неё не то сосной, не то ёлкой.

А шаловливая Мурка сразу полезла играть с Дымкой и осторожно, как мышонка, тронула её лапой.

Дымка встала и больно ударила когтистой лапкой по Муркиной мордочке.

Кошка фыркнула, вскочила на подоконник, умылась и, не сводя с Дымки раскосых светло-зелёных глаз, стала следить, как белочка взлетела на табурет, оттолкнулась от стены и скрылась на печке.

Дрались они ещё раза два, а затем подружились, да так крепко, что вместе пили молоко из одной миски.

Правда, Дымка часто фыркала, когда совала нос в миску, и нередко отталкивала Мурку тупой усатой мордочкой. Кошка, облизываясь, отходила обычно в сторону и ждала, пока белочка не наестся. А если после неё оставалось молоко, Мурка долизывала его розовым шершавым язычком.

— Что ж ты белку всё молоком да хлебом кормишь? Зверь ведь не домашний. Ей и погрызть что-нибудь надо. Гляди, какие у неё зубы: острые, ровные да белые как сахар, — сказала мать. — Жаль, ещё орехи не поспели.

— А я ей шишек собираю! — сказал Борька и отправился в сосновый бор.

Принёс он шишек в мешке и поставил этот мешок на край печи, рядом с тазом.

Дымка схватила шишку и ну крутить-вертеть её передними лапами! Да так быстро, словно и не шишка это, а коричневый мячик.

Семена выбрала, а шишку бросила. И упала она в таз. Загудел таз, а Дымке интересно. Склонила она голову набок, глядит да хвостом дёргает.

Ещё шишку съела — и опять в таз! А Борька за стол сел и стал считать: загремит в тазу — значит, ещё одна шишка готова. Так и считал до двадцати.

Наелась Дымка, с Муркой наигралась — и спать.

Любила она в тепле сидеть. Недаром и гнездо у неё в лесу, как у птицы, из хвороста сделано и со всех сторон мохом закрыто — ни дождь, ни мороз в такой избушке ей никогда не страшны!

Скоро Дымка совсем прижилась и стала ручной. Но когда в хате никого не было, прыгала она на подоконник, умывалась там, тыкалась носом в оконное стекло, била по нему лапкой. Тянуло её за окно, где зелёной стеной стоял густой сосновый лес.

Борька привык к ней, на руках её часто держал. А всё-таки испугался, когда она со стены к нему прямо на плечо прилетела.

Пил он вечером чай, а Дымка была на печке. Когда он откусил кусочек сахара, белка перемахнула с печки на стену, а со стены — на

левое плечо к Борьке. Цокнула, в рот к нему заглянула, а потом на стол прыгнула, схватила кусок сахара — и опять на печку.

И так быстро всё это произошло, что Борька даже рта открыть не успел. А Дымка уже на печке, и слышно, как хрустит на её зубах сахар.

Стали ей давать сахар с той поры, а она точно знала, когда его можно получить: самовар на столе — Дымка уже на Борькином плече!

Однажды вечером вернулся из Москвы отец — ездил он в столицу по делам лесничества. Привёз с собой племянника — восьмилетнего Федю.

Федя так устал с дороги, что его сонного в избу внесли и положили на постель.

А отец поздоровался с женой, с сыном и повесил на гвоздь между окнами свою фуражку с кокардой.

Фуражка закачалась на гвозде, а Дымка словно и ждала этого. Прыгнула она на Федю, а с него — на фуражку и давай крутить её!

— Летягу поймал! — обрадовался отец. — Молодец, Борька! Пусть живёт у нас, это редкий пока зверёк под Москвой.

И прожила бы Дымка не один год в избе лесника, да виной всему Федя.

Когда его растолкали и посадили у окна чай пить, Дымка белой птицей пронеслась по избе, покрутила фуражку на гвозде и очутилась на Федином плече.

Мальчик закричал с перепугу, замахал руками и локтем стекло в окне выдал.

Дымка прыгнула на подоконник, в разбитое окно голову высунула — и пропала. А пока Борька с отцом наружу выскочили, её и след простыл!

Недели две ругал Борька своего гостя, а Дымка всё равно к нему не вернулась.

Значит, и ругать Федю не стоило. Ведь не с умыслом, а с перепугу разбил он стекло и выпустил Дымку.

ХРАБРАЯ САНУК

Как-то вечером мы сидели с Аписилеем на берегу Телецкого озера. Заря догорала. Дальние горы казались синими — там лежала дремучая тайга. А горы, что полого спускались к воде, ярко зеленели — их густо закрывали берёзы и лёгкие осинки.

Над нами не вились комары, не жужжали мухи — холодно им в алтайских горах над озером!

Мы сидели и разговаривали про охоту, про медведей. Аписилей был знаменитым таёжным охотником, и его рассказы я мог слушать без конца.

— А между прочим, в прошлом году я только один раз вышел на медведя, да и то по нужде, — сказал старик, набивая табаком маленькую трубочку.

— Что так?

— Дочка с мужем — на лесном кордоне, я — дома, с внучкой. Живём далеко от деревни. Туда, обратно — вот и день прошёл. А с осени до весны в школу ходил.

Я удивился.

— Да не обо мне речь, — усмехнулся старик. — Сам-то я давно из годов вышел. Внучку водил, ей-то одной по тайге страшновато. Да случай у нас вышел прошлой осенью.

— Расскажешь?

Аписилей распалил трубочку, не спеша затянулся. Горьковатый дым табака окутал бронзовое от загара скуластое его лицо. Старик прищурился, вокруг глаз у него легла сетка мелких морщин.

— Рассказать можно. Случай даже по нашим местам такой редкий...

Два года назад внучке Аписилея, маленькой Санук, исполнилось семь лет. И повёл её дедушка в первый класс.

В роду у Аписилея никогда не было учеников. Сам он в молодые годы и не мечтал о грамоте, дочка научилась читать поздно, когда вышла замуж за грамотного лесника. Маленькая Санук была первой школьницей во всём роду, и Аписилей не мог нарадоваться на неё.

Он привёл внучку в класс и все три урока просидел на школьном

крыльце со своей неразлучной трубочкой. А по дороге домой всё расспрашивал Санук, что же она делала там так долго.

— Я пять трубок выкурил, а ты всё не идёшь и не идёшь! Десять лет вот так сидеть будешь — ух, какая учёная станешь!

Апсилей водил в школу свою маленькую Санук всю долгую зиму. Потом пришло короткое и жаркое алтайское лето. Девочка подросла, окрепла и стала с осени ходить одна. И хоть была она очень маленькая, но по привычной таёжной тропинке ходила без страха.

Как-то ранним утром отправилась она в школу. Снега в долине ещё не было, но с южных гор, с далёких монгольских белков, уже дули студёные ветры, а на вершине самой высокой горы — Золотой — уже бушевала злая метель.

Санук шла и слушала, как хрустят под ногами ломкие льдинки, а в густых ветвях кедров цокают проворные дымчатые белочки.

И вдруг на тропе перед девочкой появился большой бурый медведь.

Может быть, он уже спал в берлоге, но его стронули, спугнули, и он пошёл шататься по тайге. А может быть, медведь просто не нашёл ещё себе места для зимней спячки. Кто знает! Только повстречался он с девочкой, встал на задние лапы, навёл на Санук маленькие чёрные глазки и стал принюхиваться.

Санук не испугалась: медведь в тайге — дело обычное. Дедушка часто стреливал старых, больших медведей, а медвежата каждое лето жили у него в сарае, и Санук играла с ними. Дедушка отправлял их в зоологический сад...

Санук видела и таких вот больших зверей, когда ходила с дедушкой по малину, но они всегда уступали дорогу человеку и прятались в кустах. А этот стоит на тропе — и ни с места!

Маленькая Санук храбро шагнула ему навстречу и замахнулась портфелем:

— А ну, уйди с дороги, косолапый! Мне в школу нужно!

Медведь словно удивился и склонил голову набок. Санук была в короткой тёплой медвежьей шубке, и зверь, видимо, принял её за медвежонка. Но почему этот медвежонок разговаривает?

Он постоял немного, покрутил головой и подошёл к девочке вплотную. Она стукнула его портфелем в рыжую грудь. Зверь вырвал портфель, обнюхал, бросил в кусты. Потом зарычал и легонько стукнул Санук в левое плечо: он играл.

Девочка рассердилась и толкнула медведя ногой. Он заворчал и

сорвал у неё с головы лисью шапочку с лёгким серебряным обручем. Зазвенели на шапочке монисты, которые висели на обруче. И медведь стал с любопытством прислушиваться, поводя ушами. Затем бросил в кусты и шапочку.

Так они и стояли: огромный зверь, хозяин тайги, у которого из ноздрей валил пар, и маленькая алтайская девочка, храбрая Санук, глядевшая на медведя исподлобья.

Чем бы всё это кончилось, неизвестно, только девочке стало вдруг страшно: она поняла, что не уйдёт с тропинки этот косматый зверь. А как заставить его уйти, она не знала. Сжалась она в комок от испуга, отвела глаза от зверя — и оглянулась.

Медведь словно ждал этого.

Он раскинул лапы, схватил Санук, горячодохнул ей в лицо. Девочка закричала... И словно чёрной пеленой закрылись у неё глаза...

Апсилей вздохнул и умолк. Трубочка его погасла. Дрожащей рукой он достал спички, закурил и повёл рассказ дальше.

Санук пришла в себя и увидела, что она завалена хворостом: медведи всегда делают так, когда готовят себе пищу впрок. Выбравшись из-под кучи ветвей, она бросилась домой без шапочки и без портфеля.

Дома ей сделалось плохо: она лежала в постели, ничего не ела, только пила воду. От неё нельзя было добиться ни слова: она смотрела на дедушку какими-то странными глазами, в которых таился испуг.

Дедушка, догадываясь о чём-то, сходил в тайгу и нашёл возле тропинки помятый портфель и разорванную шапочку Санук. На замёрзшей земле он увидел следы медвежьих когтей.

Когда же внучка встала и всё ему рассказала, Апсилей даже позеленел от злости. Он выкурил подряд три трубочки, собрался, взял ружьё и ушёл.

Старика не было дома два дня.

Вернулся он довольный, раскрыл суму и вынул из неё шкуру медведя...

— Однако, рассчитался я с твоим недругом, Санук, — сказал дедушка. — Он один тут и шатался по тайге и пришёл к тому месту, где тебя хворостом завалил. Как ты себя чувствуешь? Пойдём в школу?

— Пойдём, дедушка!

И Санук снова всю зиму ходила с Апсилеем.

И пока не подрастёт Санук и не научится с ружьём обращаться, будет её провожать Апсилей каждую зиму до тех морозных и снежных дней, пока не улягутся в берлоги все телецкие медведи...

ТУЗИК И МАШКА

— Вы медвежат не покупали?

Антон Иванович спросил так просто и так неожиданно, словно их продавали на Телецком озере под каждым кедром.

— Только этим и занимаюсь! Сейчас и бегу за ними: дешёвые, на выбор, вон на той полянке! — махнул я рукой.

— Тю! Так я же серьёзно! Хочу живой уголок пополнить. Вам смешно, а у меня эта мысль из головы не выходит. Иду, знаете ли, по тайге и размышляю: залезу потихонечку в малинник, а там — медвежонок. Подкрадусь, схвачу его и унесу. Ловко и просто, как в сказке! Только это, пожалуй, страшно.

— Пожалуй. Уж больно строгая мама ходит по пятам за медвежонком. Вряд ли ей захочется, чтобы её малыш поехал с вами в институт.

— Конечно, конечно! — засмеялся Антон Иванович. — Лучше уж купить, а?

— Это, наверное, обойдётся дешевле.

— Будет случай, узнайте, как это сделать...

Медвежонок я увидел на туристской базе. Это был мохнатый маленький Тузик — и неуклюжий и шустрый, с белым ошейником и чёрными бусинками глаз.

Близко от главного здания базы, над озером, стояли две синие сестрички — две высокие, стройные пихты с острыми верхушками и седыми стволами. Выросли они из одного корня, потом разошлись от земли развилкой, но тесно сплели ветви. Этих сестричек огородили высоким забором. Там, в закутке, и жил Тузик.

Ему подавали еду в корытце, свежую воду наливали в большую чугунную миску. После еды он забирался на деревья, обнимая одну пихту цепкими лапами, упираясь в другую округлым мохнатым за-

дом. На большом толстом суку у него была «постель». Там он и спал, когда хотел, крепко держась за ветки.

Просыпался Тузик по звонку вместе с туристами. Спускался на нижние ветви и глядел в сторону кухни — не несёт ли еду тётя Даша.

Скоро она показывалась с ведром в руках и ласково приговаривала:

— Тузик! Тузик!

Медвежонок вздрагивал, скулил и облизывался. Обняв ствол, он ловко съезжал на землю, бегал по закутку, тыкался носом в колени тёти Даши, лизал ей руки и, засунув нос в корытце с кашей или с супом, чавкал, как поросёнок.

Жил бы он неплохо, но донимали его мальчишки. Они не бывали на базе подолгу, но отдыхали здесь день-другой на перепутье. Увидев Тузика, мальчишки залезали на пихту, стаскивали его на землю и начинали возню. На полянке поднимался страшный гвалт, шум, крики, вопли, и дело кончалось тем, что медвежонок, не разбирая пути, мчался к закутку и с быстротой белки прятался в ветвях своей пихты. Но и мальчишкам доставалось: Тузик давал им хороших тумачков когтистой лапой то в грудь, то по уху или хватал за палец.

«Не берегут здесь медвежонка, — решил я. — Какой-то он беспризорный. Надо присмотреть за ним, пока не вернётся из похода Антон Иванович. Глядишь, и купит он Тузика».

Я стал разгонять мальчишек и сказал тёте Даше, что буду кормить медвежонка. Умный зверушка через два-три дня уже привязался ко мне. Он позволял мне стоять возле забора, когда возил носом по корытцу, и даже обнюхивал и лизал руку, когда я его гладил.

Однажды я ушёл под вечер на Змеиную гору собирать цветы и травы для гербария. А в это время появились на базе новые мальчишки. Они намяли бока Тузику, загнали его к озеру и бросили в холодную воду.

Тузик выскочил на берег, отряхнулся и стремглав бросился в тайгу.

Я узнал об этом, когда вернулся; в сумерках кинулся по тропе в чащу и долго бегал по густым кустарникам. Стало уже темно, когда я увидел Тузика. Он сидел перед муравьиной кучей, разгребал её лапами, с удивлением разглядывал крупных чёрных муравьёв, которые запутались в его шерсти, и слизывал их розовым языком.

— Тузик! — сказал я как можно ласковее.

Он вскочил, поднял шерсть на холке, в его насторожённых глазах мелькнуло что-то дикое и злобное. Но не убежал и дал надеть ошейник.

Я стал гулять с ним по утрам, когда туристы катались на лодках по озеру. Тузик семенил за мной на коротких лапах, нюхал цветы, доставал из земли какие-то корешки, гонялся за бабочками. Потом ложился рядом на пахучую траву, нагретую солнцем, и закрывал глаза. Засыпал он сразу, но во сне скулил. А когда я перелистывал страницы книги — поводил ушами и настораживался.

Наконец вернулся Антон Иванович. Он тотчас же пришёл ко мне, и мы пошли смотреть Тузика. Но Тузика в закутке не оказалось.

Мы обыскали все кусты вокруг базы, ходили до поздней ночи по тайге, даже в звонок звонили — думали, что Тузик вспомнит про ужин. Но он не вышел на наш зов и из тайги не вернулся.

Утром мы осмотрели поблизости с десятков муравьиных куч, лазили по такой чаще, что изорвали рубашки, но Тузика не было — он пропал бесследно.

— И что за народ на базе! — сокрушался Антон Иванович. — Ведь погибнет такой беспомощный малыш без медведицы! Ну и оборвал бы я уши тем мальчишкам, которые замучили Тузика!

Но мальчишки набедокурили и ушли. Да и не мучили они Тузика, просто неумело играли с ним.

— Тузик потерялся, но в запасе у нас Машка, — успокоил я Антона Ивановича.

— Какая такая Машка?

— Вон на той стороне озера, в Егаче, у Андрея Силыча. Завтра поедем смотреть её...

На другой день после обеда я нашёл Антона Ивановича в условленном месте, возле лодки. Мы сели на вёсла и пошли через озеро.

Справа шумела Бия. Огромная, почти в километр шириной, она вырывалась из озера, бросалась к порогу Карлагач, ревела и пенилась. Мы боялись, что нас снесёт к порогу, и гребли молча, сильно, часто, и только у самого берега, когда миновала опасность, Антон Иванович спросил, как попала Машка к Андрею Силычу.

Лесник поймал её вместе с Тузиком весной, во время обхода.

А старую медведицу застрелил. Возможно, он не стал бы стрелять в медведицу, раз у неё были дети — это не принято у людей, которые любят и берегут тайгу, но так уж вышло. Повстречались они на очень узкой тропе в ущелье, и зверь не уступил дорогу человеку.

Андрей Силыч всё ждал, что медведица образумится и уйдёт. А она оскалилась и пошла напролом. Пришлось стрелять...

Дом Андрея Силыча стоял за посёлком, на отшибе. Его окружали высокие старые кедры и густой малинник.

Хозяина дома мы увидели во дворе. Плотный, широкоплечий, в матросской тельняшке, которая туго обтягивала грудь, он шутя отбивался от Машки. Машка прыгала вокруг ног лесника, как чёрный взлохмаченный шар, и вырывала у него лопату. Он тянул к себе, она — к себе, оба топтались на месте и пыхтели.

— Ну ни дать ни взять два медведя! — толкнул меня локтем Антон

Иванович, наблюдая за потешной игрой человека с медвежонком.

Машка вырвала лопату и потащила к дому. Заступ ударил её по пяткам. Она рассердилась и отшвырнула лопату. Послышался резкий звук: железо стукнулось о камень. Машку это позабавило. Она наклонила голову, прислушалась и снова потянулась за лопатой. Но Андрей Силыч слегка шлёпнул её по затылку, и она, огрызаясь, кинулась к дому.

Тут-то мы и столкнулись с ней.

Она с ходу опустилась на толстый, пушистый зад, уставилась на нас, оскалила острые белые зубы и часто-часто заработала ноздрями.

— Свои, Машка! — крикнул Андрей Силыч. — Сколько лет, сколько зим! — Он подошёл к нам, пожал руки. — Прошу в хату. С дороги, Машка! У нас гости.

Но Машка и не думала уступать дорогу. Она поплясала вокруг нас, а потом встала на задние лапы и потянулась за шляпой Антона Ивановича. Пришлось цыкнуть на неё, чтобы не совала нос, куда не положено.

В комнате Машка напоминала о себе каждую минуту: шумела ведром под лавкой, скребла притолоку, прыгала на подоконник. Затем схватилась за край скатерти, как только набросил её на стол Андрей Силыч, да так дёрнула, что чуть не сбила очки с носа у Антона Ивановича.

Лесник потянулся за ремнём. Машка понимающе глянула на хозяина, недовольно рывкнула и в три прыжка очутилась за порогом.

Мы вздохнули с облегчением. Самовар поспел, можно было пить чай. Но не успел Андрей Силыч налить нам по второму стакану, как в комнате снова появилась Машка. Она неслышно, мягко прошлась на задних лапах от двери к окну и села возле кадки, где рос фикус.

— Опять что-то задумала, каналья!

Андрей Силыч сдёрнул ремень с гвоздя, но опоздал: Машка выхватила фикус из кадки, кинула его на пол и бросилась наутёк.

Андрей Силыч привычно засунул фикус на место, смёл в кучу землю, сел к столу.

— Четвёртый раз за неделю таскает! И что ей дался этот цвет! И вообще озорует так, что сладу с ней не стало: вчера самовар опрокинула, на днях новые калоши разделала — ну, скажи, начисто! Украинцы говорят: «И нести важко, и кинуть жалко». Так, что ли?

— Вот-вот! — Дуя на блюдечко, Антон Иванович глянул на лесника поверх очков.

— Так вот и у меня. Крути не крути, а разлуки с Машкой не миновать — замучился! — Андрей Силыч помолчал и вдруг спросил: — Может, возьмёте её, Антон Иванович? Будет вам такой экспонат, какого и свет не видывал!

Антон Иванович даже чаем поперхнулся: так порадовал его Андрей Силыч. Но ответил не сразу — отставил стакан, снял очки и стал внимательно разглядывать свой потрёпанный синий галстук: он думал.

— Предложение заманчивое. — Лицо у Антона Ивановича так и светилось. — Даже на Телецком озере медвежата на дороге не валяются. — Он покосился в мою сторону. — Да боюсь обидеть вас: любите вы свою Машку и хотите отдать её сгоряча!

— Люблю! Вот и желаю, чтоб попала она к человеку доброму да обходительному. И ведь какая ласковая у меня Машка, умная! Привяжется к вам — на шаг не отпустит. Берите, не пожалеете!

Антон Иванович подышал на стёкла очков, протёр их концом галстука. Потом надел очки, встал и протянул руку Андрею Силычу. Лесник тоже поднялся, широко занёс ладонь, но хлопнуть ею по руке Антона Ивановича не успел: за окном послышался пронзительный визг.

Мы глянули на улицу. Машка, отвешивая удары направо и налево, гнала мимо дома ватагу ребятишек.

Она сбила с ног мальчика в длинных и узких штанах, села на него верхом и больно укусила его за локоть.

Мальчик заорал дико, страшно. Машка спрыгнула с него, погналась за девчонкой, настигла её, ухватила зубами за платье, сильно дёрнула и с треском оторвала подол.

Андрей Силыч сжал кулаки и выбежал на улицу. Антон Иванович как-то странно поглядел ему вслед, дрожащими пальцами затянул галстук потуже и крикнул.

— Хороша Маша, да, видать, не наша! — сказал я. — Стоит ли с ней связываться?

— Вот и я так думаю! От горшка два вершка, а уж чёрту сестричка. Андрей Силыч вон какой богатырь, и то замучился. А куда мне? — беспомощно развёл он руками. — И, собственно говоря, на кой пёс мне живой медведь? Пустая затея, блажь!

Ребята тем временем затихли, зато в дело сейчас же вступили голосистые мамы. Ну и ругали же они бедного лесника!

Он молча поднял Машку и понёс её в хату. Она прижималась к нему мохнатой мордочкой и как ни в чём не бывало тянулась к его щеке влажным розовым языком.

Андрей Силыч хотел выпороть Машку, но Антон Иванович не позволил:

— Уволь, уволь меня от этого! Не люблю!

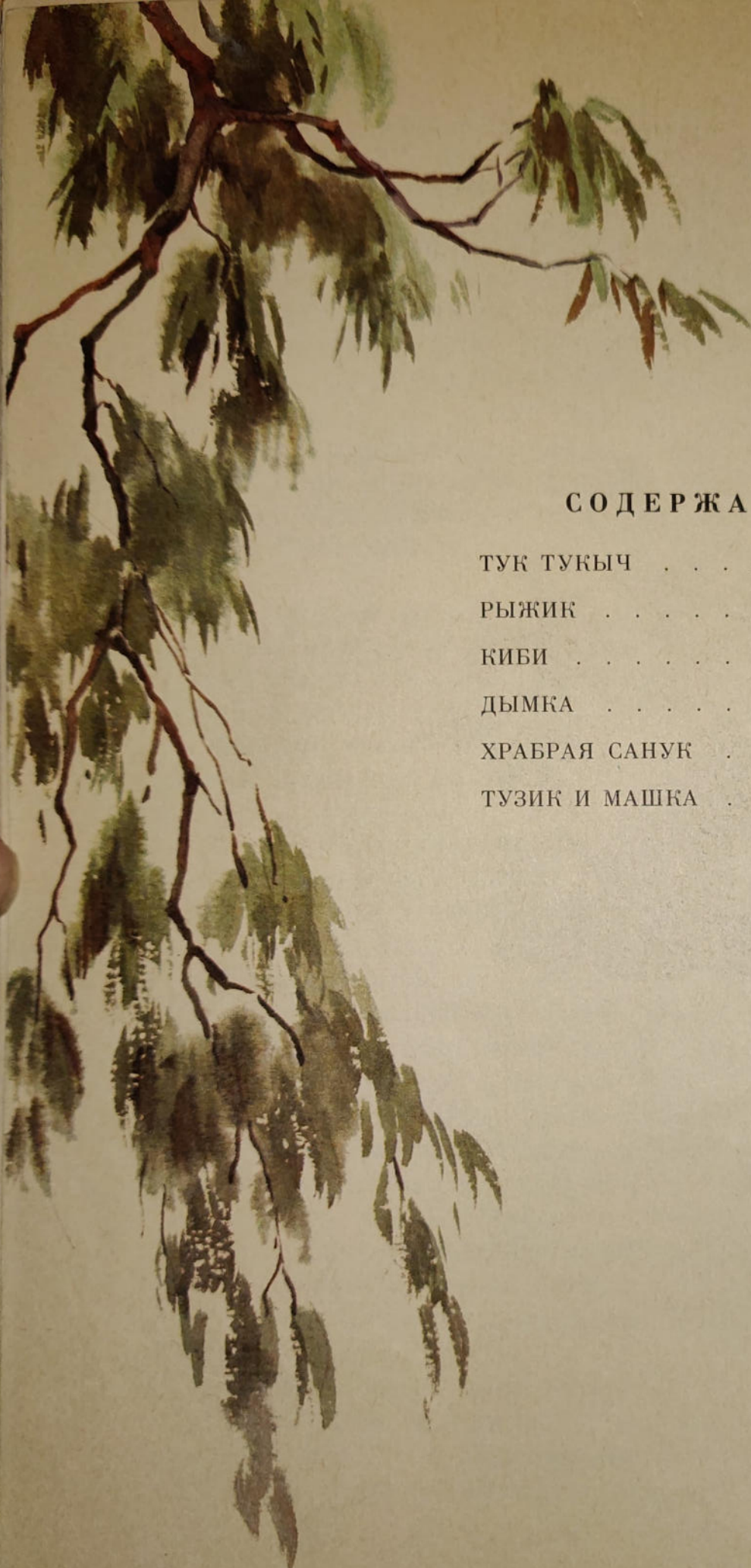
И Машку посадили на цепь, возле злополучного фикуса, где почти во всю стену красовалась картина-коврик «Утро в сосновом лесу». На картине резвились три медвежонка, их покой охраняла

старая и строгая медведица. А под картиной, на дощатом полу, сидела на привязи притихшая Машка — маленькая, с грязно-белым пятном на шее, как у Тузика, и непомерно большая рядом со своими сородичами, нарисованными на коврике.

Антон Иванович так и не решился сказать Андрею Силычу, что не берёт Машку. Он вдруг засуетился, заморгал и стал поспешно прощаться. Да и лесник, видимо, понял, что не пришло ещё время расстаться ему с этой ласковой и злой Машкой-проказницей.

С того памятного дня мы медвежат не покупали.

СОДЕРЖАНИЕ

ТУК ТУКЫЧ	3
РЫЖИК	9
КИБИ	18
ДЫМКА	24
ХРАБРАЯ САНУК	29
ТУЗИК И МАШКА	33

35 коп.

для младшего школьного возраста
Владимир Васильевич Архангельский

РЫЖИК

Рассказы

ИБ № 6423

Ответственный редактор М. С. Ефимова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор М. В. Газарина. Корректор Л. М. Писман. Сдано в набор 01.11.82. Подписано к печати 20.04.83. Формат 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 22,0. Уч.-изд. л. 4,59. Тираж 100.000 экз. Заказ № 1917. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суворовский вал, 49.

Архангельский В. В.

A87 Рыжик: Рассказы/ Художник В. Лаповок. — М.: Дет. лит., 1983. — 40 с., ил.

35 коп.

Маленькие сюжетные рассказы о природе, о животных, о взаимосвязи человека с природой.

A 4803010102—321 174—83
M101(03)83

P2